

Сначала рубили лес, причём одновременно в нескольких местах: на строительных площадках, на месте будущего жилого посёлка, под дорогу до села Мезенского, в ложе будущего водохранилища. Всего было расчищено более 2 тыс. га леса. К 1957 году из Асбеста была проведена ЛЭП-35 длиной 17,1 км, чтобы обеспечить район строительства электроэнергией. По мере вырубki леса и корчевания пней начиналось возведение первых объектов строительной базы: лесопильного цеха, столярной мастерской, растворного узла, гаражей [1, с. 45; 2].

27 февраля 1956 года начались работы по сооружению гидроузла и очистке будущего ложа водохранилища от леса. В этом же году строительство Белоярской ГРЭС было официально объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. С августа 1956 года на стройку начали прибывать по комсомольским путёвкам ленинградцы – 394 человека. В 1956 году на строительстве насчитывалось 840 рабочих, а уже к концу 1957 – почти 2,5 тысячи [4, с. 226; 1, с. 49].

В апреле 1957 года Правительством принято решение о репрофилировании тепловой станции на атомную. Тогда же состоялась защита проектов станции на Техническом Совете Министерства энергетики и электрификации СССР. Было представлено два проекта Белоярской АЭС – ЛОТЭПа и ВНИПИЭТа. Технический Совет Министерства впервые рассматривал проект атомной электростанции, поэтому тонкости доводов обоих институтов были ему малопонятны. После нескольких часов обсуждения было принято решение: оба проекта рассмотреть в центральном институте «Теплоэлектропроект», принять там решение в пользу одного, и это решение через три дня доложить Совету. Все три дня рассмотрения проектов шли тяжело: бесконечные доводы, обсуждения, предъявления доказательств. В конце третьего дня руководитель делегации ВНИПИЭТа И. Д. Дмитриев снял свой проект с рассмотрения, сказав, что не видит преимуществ своего проекта против проекта ЛОТЭПа и готов выйти на Технический Совет Министерства с одним общим проектом ЛОТЭПа. 15 июля проект Белоярской АЭС был утверждён Министерством. Тогда же установлена санитарная зона в 28 км. С этого момента начинается история Белоярской атомной станции [7, с. 26; 4, с. 227].

Литература

1. Гончаров С. А. Заречный. Полная история Атомграда. – Екатеринбург: Сократ, 2014. – 256 с.: ил.
2. Далёкое – близкое // Мирный атом. – 1989. – № 23-24. – С. 1.
3. Захаров Д. Как искали место // Зареченская ярмарка. – 2011. – № 19. – С. 14.
4. История моего города / сост. Л. К. Сергиенко, С. В. Лобарёва. – Екатеринбург: ИД «Зевс», 2005. – 236 с.: ил.
5. Ничков В. Б. Век Уральской энергетики. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. – 240 с.
6. Рундквист Н. А., Задорина О. В. Свердловская область. Иллюстрированная краеведческая энциклопедия. – Екатеринбург, 2009. – 456 с.: ил.
7. 40 лет Белоярской АЭС. История в воспоминаниях / сост. В. М. Малышев. – Заречный: [Белоярская АЭС], 2004. – 389 с.: ил.
8. 1955 год. Как всё начиналось // Быстрый нейтрон. – 2015. – № 33. – С. 2.
9. Шашарин Г. А. Добрые воспоминания // Росэнергоатом. – 2004. – № 7. – С. 32-34.
10. Щапов Г. А. БелАЭС научила нас любить свое дело // Росэнергоатом. – 2004. – № 7. – С. 35-36.

УДК 94(47)''18'':37.014.24

А. В. Котов

студент исторического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет; 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19; e-mail: antonkotov97@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ КАЗАХОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ЧЕРЕЗ «ИНОРОДЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье идёт исследование интегративных процессов казахов в российское общество через образовательные учреждения. Выявляются причины установления образовательных связей и их последствия. Рассматриваются достижения «инородческого образования» во второй половине 19 века, когда меняются образовательные направления с татарского обучения на русско-казахское.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, образовательные учреждения, этнопедагогика, казахи, Оренбургская Киргизская школа.

INTEGRATION OF KAZAKHS INTO RUSSIAN SOCIETY THROUGH «FOREIGN EDUCATION» IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The article studies the integrative processes of Kazakhs into Russian society through educational institutions. The reasons for establishing educational ties and their consequences are revealed. The achievements of «foreign education» in the second half of the 19th century, when the educational directions change from Tatar to Russian-Kazakh education, are being considered.

Keywords: Orenburg province, educational institutions, ethnopedagogy, Kazakhs, Orenburg Kirghiz school.

Новый и качественный виток развития «инородческого образования» в Оренбургской губернии начинается во второй половине 19 века, как логическое продолжение образовательных начинаний России в северных казахских степях в первой половине века. Если первая половина 19 века характеризовалась зарождением «инородческого образования» в Оренбургской губернии, то во вторую половину шёл процесс активного развития образования.

В Оренбурге на тот период функционировала Оренбургская Киргизская школа, первый выпуск которой прошёл в 1857 году [1, с. 50]. Результат был успешен, и новый набор учеников начался в 1859 году. Число желающих «инородцев» учиться стремительно возросло и намного превышало спрос. Школа вынуждена была пойти на расширение до 40 учебных мест [1, с. 52]. Выпускники такой школы обычно высоко ценились русской администрацией и занимали, как правило, высокие посты при самой Пограничной комиссии и работали с местными правителями, представляя российскую сторону. Для местных «инородцев» учёба в таком перспективном заведении означала становление и рост карьеры, приобщение к российской культуре и высокую потребность у российской администрации в качестве незаменимых кадров.

Проект российской политики образования «инородцев» в лице Оренбургской Киргизской школы при Пограничной комиссии увенчался небывалым успехом для того времени. Однако такая школа в то время была практически единственным организованным местом обучения. Для закрепления результата требовалось постройка новых учебных заведений. Однако, в целях экономии и так небольших средств, предполагалось построить ряд школ менее роскошных и дорогих, как Оренбургская Киргизская школа. Если центр российского обучения «инородцев» до начала 60-х годов находился в Оренбурге, то в последующие годы скромные «инородческие школы» начинают открываться в различных местах: «четыре маленьких киргизских школы: в Троицке, Оренбургском укреплении (ныне Тургай), Уральском укреплении (ныне Иргиз) и ещё где-то...» [1, с. 67-69]. Результативность мирной российской политики в отношении местного населения была высокой для того времени, что выражалось в большом спросе на образование, и основание новых учебных заведений для «инородцев» было вопросом времени и острой необходимостью.

С основанием новых образовательных учреждений возник вопрос об учителях. Лучшей кандидатурой на свободные места оказались выпускники самой Оренбургской Киргизской школы первого выпуска в 1857 году. В таких небольших киргизских школах насчитывалось от 25 учеников, на которых было выделено достаточное количество учебников, а именно «Русская азбука» с грамматикой, «Татарская азбука» с грамматикой, русско-татарский словарь и другие книги для чтения на русском и татарском языках [1, с. 63-64]. Таким образом, русской администрацией делались крупные шаги в отношении образования «инородцев» через постройку новых школ для привлечения большого количества учеников, учителями которых становились сами казахи и на основе одной национальности процесс обучения шёл как можно быстро и эффективно.

В 1868 году был последний, четвёртый выпуск Оренбургской Киргизской школы, которая была закрыта в этом же году. Причиной этому служило основание гражданской гимназии, куда и были перенаправлены все казахские ученики [1, с. 54-57]. В итоге, Оренбургская Киргизская школа за период своего существования в 19 лет выпустила 48 человек [1, с. 55]. Для России это было большим подспорьем в образовательной политике. Именно выпускники данной школы стали переводчиками и работали при казахских султанах. Образование переходит на местный казахский язык, а не на татарский, как было ранее. Поэтому время Оренбургской Киргизской школы пришло к концу, так как она выполнила своё предназначение – появление казахских учителей.

Новые приоритеты в образовании «инородцев» начинаются с 1870-х годов. В частности, гражданская гимназия в Оренбурге начинает вести обучение не в татарско-магометанском направлении, как это было ранее, а на идеях взаимодействия русской и местной культур [2, с. 12-13].

Идеи ведения образования «инородцев» на их родном языке набирали популярность. Именно таких прогрессивных идей, защищавших местную самобытность и языковую среду казахов, придерживался знаменитый русский педагог-миссионер Николай Иванович Ильминский, считавший, что татарско-магометанское учение, существовавшее на тот момент в образовании «инородцев», уже представляло угрозу для влияния России, так как местные становились религиозно-фанатичными и сложнее поддавались контакту со стороны русских. Местный, казахский язык выступал как лучшая альтернатива татарскому языку в казахских степях из-за своего миролюбия и возможности активного взаимодействия с русской культурой [3, с. 190-192].

Генерал-губернатор Оренбурга Николай Андреевич Крыжановский в этот период принимает активное участие в образовательной политике «инородцев», благодаря чему появляются новые казахские учительские школы и семинарии. Одной из больших заслуг Крыжановского является передача всех казахских школ на попечительство Министерства Народного Просвещения, что означало разработку новых учебных программ, выделение финансов, а также обеспечение учебных заведений учителями [1, с. 83-84].

Для эффективной работы Министерства Народного Просвещения в Оренбургской губернии было решено назначить своего представителя из местных образованных и опытных казахов. На такую должность подходил выпускник Оренбургской Киргизской школы 1857 года Ибрай Алтынсарин, который к этому времени был педагогом и письмоводителем в Тургайской школе. Именно Алтынсарин выявил множественные неудобства и нарушения в «инородческих школах» в Тургае, Иргизе, Троицке, где школьные помещения не соответствовали норме учебного заведения. В замечаниях инспектора говорилось, что комнаты тесные, здания нуждаются в капитальном ремонте, а школьных принадлежностей критически не хватает. На основе таких печальных сведений местные органы направили ходатайство о выделении кредита на нужды образования [1, с. 87-90].

Немаловажным изменением было повсеместное введение в 1880-х годах 2-х классов училищ, которые сначала располагались в старых пунктах образования, а это Тургай, Троицк, Иргиз. Причём были выделены средства, а это в среднем на 1 училище приходилось 5000 рублей для принятия благопристойного вида [1, с. 89-91]. Основание 2-х классов училищ происходило и в новых местах – это Илецкий и Николаевский уезды и Актюбе. Стоимость их постройки оценивалась в 48 000 рублей, из которых 34 000 рублей было выделено на постройку крупной Актюбинской школы.[1, с. 91] Отличительной чертой новых образовательных учреждений являлась совместность обучения казахских и русских детей, а также упор на изучение русского языка как неотъемлемого предмета для местных народов.

К 1890-х гг. была учреждена сеть волостных 4-х летних школ. В учебных заведениях произошло стандартизирование программ образования. Обучение шло на русском и казахском языках. Хозяйственная забота за образовательными учреждениями в основном возлагалась на заведующих. Средняя сумма расходов на волостные школы составляла 2000 рублей [1, с. 97-99]. Волостные школы позволяли увеличить число учеников в отдалённых районах, но, несмотря на успехи таких методов распространения образования, обслуживание школ дорого обходилось администрации.

В заключении, можно сделать вывод о том, что интеграция «инородцев» через систему образования от начала основания Оренбурга и до конца XIX века и до его конца проходила постепенно и без агрессии. Обучение казахов перестаёт идти на татарском языке и переходит на казахский и русский языки, что привело к сохранению самобытности казахской культуры и способствовало мирному сосуществованию. Оренбург становится вратами культурно- образовательных контактов русских и казахов. Несмотря на острый недостаток средств, образовательные учреждения продолжали наращивать свою эффективность.

Литература

1. Васильев А. В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. – Оренбург: Типо-лит. Жаринова, 1896. – 224 с.
2. Ильминский Н. И. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. – Казань: Типо-лит. В. М. Ключникова, 1891. – 396 с.
3. Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – 400 с.